

Исма опаздывала на рейс. Стоимость билета не возместят: авиакомпания не брала на себя ответственность за проблемы пассажира, прибывшего в аэропорт за три часа до вылета и препровожденного на все это время в комнату для допросов. Исма понимала, что ее ждет, но не предвидела, что допроса придется дожидаться часами, как не предвидела, сколь унижительной будет процедура досмотра содержимого чемодана. Ей хватило благоразумия не брать с собой ничего, что вызвало бы подозрения или даже лишние вопросы — Коран, семейные фотографии, даже книги по специальности, — и все равно женщина в форме брала в руки по очереди каждый предмет одежды и перебирала в пальцах не столько в поисках потайных карманов, сколько оценивая качество изделия. Наконец женщина ухватила дизайнерскую пуховую куртку — Исма повесила ее на спинку стула, войдя в комнату для допросов, — и вытянула на одной руке, другой ощупывая плечи.

— Это не ваша вещь, — сказала она, явно подразумевая не «потому что она, по меньшей мере, на размер велика», а «потому что чересчур хороша для такой, как ты».

— Я работала в химчистке. Заказчица отказалась ее забрать, поскольку не удалось вывести пятно.

Исма показала жирный след на кармане.

— Управляющий знал, что вы взяли эту вещь себе?

— Я и была управляющим.

— Вы заведовали химчисткой, а теперь направляетесь в Амхерст, штат Массачусетс, в аспирантуру по социологии?

— Да.

— Как же это у вас вышло?

— Мы — я и мои младшие брат и сестра — осиротели как раз в тот год, когда я окончила университет. Им было двенадцать лет, они близнецы. Я взялась за первую же работу, какая подвернулась. Теперь они выросли, и я могу вернуться к своей жизни.

— Вернуться к своей жизни... В Амхерсте, штат Массачусетс?

— К академической жизни. Моя научная руководительница перешла из Лондонской школы экономики в Амхерст. Ее имя Хайра Шах. Вы можете связаться с ней. Она пригласила меня пожить у нее, пока я не подыщу себе жилье.

— В Амхерсте.

— Нет. Не знаю. Извините, вы спросили о том, где она живет, или где буду жить я? Она живет в Нортхемптоне, это недалеко от Амхерста. Я огляжусь и подыщу где-то в округе подходящее для меня место. Возможно, в самом Амхерсте, но, возможно, и нет. У меня в телефоне есть контакты нескольких риелторов. В телефоне, который вы отобрали.

Тут она прикусила язык. Офицер проделала именно то, с чем Исма не раз уже сталкивалась: люди из службы безопасности держат паузу, пока ты подробно отвечаешь на вопрос, и тем самым у допрашиваемого возникает ощущение, будто от него требуется что-то еще — и чем больше говоришь, тем подозрительнее выглядишь.

Женщина бросила куртку поверх кучи одежды и обуви и велела Исме ждать.

Прошло немало времени. Должно быть, уже объявили посадку. Исма посмотрела на свой чемодан — как только женщина вышла, она заново его собрала и тут же встревожилась, а имела ли она право упаковаться, не спросив разрешения. Может, лучше вывалить снова всю одежду или нет, так только хуже будет? Она поднялась, расстегнула чемодан и подняла крышку: пусть все остается на виду.

В комнату вошел мужчина, Исма увидела у него в руках свой паспорт, ноутбук и телефон. Вспыхнула была надежда, но мужчина сел, жестом велел ей садиться и поставил между ними диктофон.

— Считаете ли вы себя британкой? — задал он первый вопрос.

— Я британка.

— Но считаете ли вы себя британкой?

— Я прожила здесь всю жизнь. — Этим она хотела сказать, что не чувствует принадлежности ни к какой другой стране, однако прозвучал ответ уклончиво.

Допрос затянулся почти на два часа. Офицер желал знать, как она относится к шиитам, гомосексуалам, королеве, демократии, Великому состязанию

пекарей, вторжению в Иран, Израилю, террористам-камикадзе, сайтам свиданий. После ошибки с первым ответом, насчет ощущения себя британкой, Исма вспомнила свои тренировки с Аникой — та играла дознавателя, а Исма отвечала так, словно перед ней была клиентка с мутными политическими взглядами, которую не хочется отпугнуть своей однозначной позицией, но и лгать ей тоже не стоит. («Когда речь идет о шиитах и суннитах, причина обычно в каком-то дисбалансе власти, в Ираке, Сирии или где-то еще, а я, гражданка Великобритании, едва ли смогу отличить одних мусульман от других»). «Оккупация чужой территории обычно порождает больше проблем, чем решает» — это годилось и применительно к Ираку, и применительно к Израилю. «Убивать мирных жителей грешно, каким бы способом это ни делалось — хоть бомбой самоубийцы, хоть воздушными бомбардировками, хоть ударами дронов».) После каждого ответа повисала долгая пауза перед новым вопросом. Мужчина щелкал клавишами ее ноутбука, изучал историю поисков в интернете. Он знал теперь, что ее интересовало, состоит ли в браке актер из популярного телесериала, что, хотя она и носит хиджаб, это не мешает ей покупать дорогие шампуни для обуздания курчавых волос и что она задавала в поисковике вопрос «Как вести легкий разговор с американцами?».

— Знаешь, не обязательно во всем подчиняться, — сказала Аника во время такой ролевой игры. Младшая сестричка в неполные девятнадцать лет выбрала профессию юриста и знала уже все о своих правах — и ничего о том, сколь ненадежно ее поло-

жение в этом мире. — Например, тебя спросят о королеве, а ты ответишь: «Мне, уроженке Ближнего Востока, остается лишь восхищаться ее палитрой». Важно проявить самую чуточку презрения к этой процедуре.

Но Исма ответила иначе:

— Я глубоко восхищаюсь последовательностью, с какой ее величество исполняет свои обязанности.

И все же приятно было слышать в голове альтернативные ответы сестры, ее торжествующее «ха!», когда офицер задавал вопрос, который Аника предусмотрела и от которого Исма отмахнулась, вроде этого, о Великом состязании пекарей. Что ж, если ей не дали сесть на этот самолет и на следующий тоже не пустят, она вернется домой, к Анике. Половина ее души с самого начала хотела остаться. Насколько этого же хотела бы и Аника — труднее ответить. Она так настаивала, чтобы Исма не меняла своих планов, не отказывалась от Америки, а из самоотверженности или из жажды остаться без присмотра она этого требовала — в этом едва ли и сама Аника могла бы разобраться. А еще в мозгу что-то промелькнуло — мысль о Парвизе попыталась вырваться на поверхность, прежде чем ее подавил решительный, раз и навсегда, отказ думать о брате.

Наконец дверь снова открылась, и вошла знакомая женщина из службы безопасности. Наверное, ей поручено задавать вопросы о семье — те, на которые труднее всего отвечать, над которыми она больше всего работала в спарринге с сестрой.

— Сожалею, — не слишком убедительно произнесла женщина. — Пришлось ждать, пока в Америке

проснутся и подтвердят вашу студенческую визу. Все в порядке. Держите.

Великодушным жестом она протянула Исме твердый бумажный прямоугольник. Посадочный талон на давно улетевший самолет.

Исма поднялась, неуверенно — ноги колело и сводило, все это время она боялась пошевелить ими под столом, как бы ненароком не задеть сидевшего напротив офицера. Выкатывая из комнаты для допросов чемодан, она поблагодарила женщину, оставившую на ее белье отпечатки своих пальцев, и не позволила и капле сарказма просочиться в голос.

Мороз преобильно кусал за все обнаженные участки кожи, а затем проник и сквозь несколько слоев одежды. Исма запрокинула голову и втянула воздух ртом — губы тут же онемели, заныли зубы. У выхода из терминала сверкал в свете фонарей покрытый хрустящей коркой снег. Оставив чемодан у ног профессора Хайры Шах, которая проделала двухчасовой путь на машине через штат Массачусетс, чтобы встретить ее в аэропорту Логан, Исма подошла к сугробу на дальнем краю стоянки, сняла перчатки и прижала к снегу ладони. Поначалу снег противился прикосновению, затем поддался, пальцы зарылись в мягкий слой под коркой.

Исма слизала с ладони снег, во рту стало не так сухо. Женщина в отделе работы с клиентами аэропорта Хитроу — мусульманка — подобрала ей место на следующем рейсе, и доплачивать не пришлось.